

ВОЕНСПЕЦ

ЧУЖОЕ ЛИЦО

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Юрий Григорьевич Корчевский

Военспец. Чужое лицо

Серия «Попаданчество»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9305216
Юрий Корчевский. Военспец. Чужое лицо: Яуза, Эксмо;
ISBN 978-5-222-39489-2

Аннотация

Спецназ ГРУ сражается не только по всему миру, но и во все времена.

Спецназовец готов принять бой не только во вражеском тылу, но и в далеком прошлом, будь то Смутное время или эпоха Петра Первого.

ВОЕНСПЕЦ из будущего бросает вызов истории, возглавив спецоперации против крымских татар в Диком Поле, турецких янычар при Азове и шведских захватчиков под Полтавой.

Содержание

Смута	4
Глава 1. Чужое лицо	4
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Юрий Корчевский

Военспец. Чужое лицо

Смута

Глава 1. Чужое лицо

Андрей был единственным в компании своих друзей, кто не был женат. Друзья уже детишками обзавелись, а он холостяковал. По этой ли причине, либо из-за каких-то душевных качеств, но Андрей стал замечать, что стал для друзей вроде жилетки, в которую можно поплакаться. Как только у них проблемы – на работе, с машиной, даже порой в семье, – так обращаются к нему. А он не мудрый Соломон, не семи пядей во лбу. Взвесит все, конечно, даст совет. Только не всегда друзья прислушивались. Час назад позвонил Павел, Андрей телевизор смотрел, футбольный матч. На улице погода мерзкая, ветер, темень, дождь. А дома уютно и тепло. Не хотелось одеваться, выходить на улицу в такую промозглую погоду. Но друг просит о помощи, надо пересилить себя. Потому с ворчанием оделся, натянул дождевик, набросил капюшон. Вообще-то у Пашки машина, мог бы сам к дому подъехать. Ан нет, назначил встречу на улице.

Андрей поёжился. С неба моросил мелкий противный дождик, дул промозглый ветер. Погода – хуже не придумаешь. И Павел что-то запаздывал, хотя сам позвонил, напросился на встречу. И времени уже восемь вечера, пятница. Люди дома после трудовой недели отдыхают, после ужина, а иногда и стопки.

Павел должен был подъехать на своей машине.

Андрей посмотрел на часы – было уже пять минут девятого. Обычно Павел точен. Позвонить ему или не дёргать человека? Вроде уже и пробок нет.

Недалеко от Андрея, буквально в двадцати шагах, стояла телефонная будка. Не современный пластиковый навес над таксофоном, а старая, ещё образца семидесятых годов, из железа и стекла, окрашенная в синий цвет. Андрей ещё удивился – как она сохранилась? Или потому, что стояла на окраине? Народ сейчас всё больше мобильными пользуется, у каждого сотовый аппарат, а то и не один.

По капюшону стекали крупные капли, и Андрей решил укрыться в телефонной будке. Хотя стёкла в ней давно выбила местная шпана, но крыша-то есть, хоть сверху капать не будет. За будкой был фонарь, и в его свете Андрею хорошо было видно, что она пуста. Если Павел подъедет, красная куртка на Андрее сразу будет ему видна. Андрей про себя чертыхнулся: ну почему он сразу в будке не спрятался? Мок почём зря.

Он уже сделал несколько шагов к телефонной будке, как вдруг её дверь неожиданно открылась, и из будки вышел мужчина. Андрей поклясться мог, что будка была пуста – в свете фонаря её было видно насквозь. И войти незаметно туда тоже никто не мог.

Андрей отворачивался от порывов ветра, швыряющих в лицо крупные капли дождя, и почти всё время вынужден был смотреть в сторону будки.

«Всё-таки не усмотрел», – с досадой подумал он. Да и что он – солдат на посту у этой будки, чтобы следить за ней? Ну, вошёл человек, не дозвонился и сразу вышел. Секундное же дело!

Андрей распахнул дверь будки и вошёл внутрь. Деревянный пол будки был сухим, только с его ботинок стекала вода. Опять нелепица. Мужчина, который только что был здесь, тоже должен был оставить следы. Наверное, телефон не работает.

Звонить Андрею никуда не нужно было, но он снял трубку. Сейчас же пошёл гудок – таксофон работал. А собственно, что он прицепился к таксофону и будке? Сверху не льёт, и то хорошо.

Мимо проехала машина и остановилась на углу. Андрею было не разобрать – Павла это машина или нет. Его машина такая же чёрная, как и эта.

Андрей решил подойти к автомашине. Когда до неё рукой подать, звонить просто смешно.

Он открыл дверь будки и вышел. В ту же секунду его ослепил солнечный свет, и он понял – мир вокруг него непостижимым образом изменился. Только что был вечер, промозгло, шёл дождик. А сейчас светло, сухо и тепло, пожалуй, даже жарко.

Но не это удивило Андрея: города не было – ни домов, ни улиц, ни машин. Неужели он в передрыгу попал, неведомым образом перенесаясь неизвестно куда? Так, значит, это была не телефонная будка, а портал во времени? Ведь вышел же из неё мужик, которого до того в будке не было. Читал он про такое, но не очень верил. Андрей попытался, пытаясь нащупать дверцу и вернуться в будку, но рука хватала воздух. Боясь поверить своим глазам, он обернулся. Будки не было.

– Вот блин, попал! – чертыхнулся он. В том, что перенос в другое время или в другой параллельный мир возможен, он уже убедился – даже в газетах об этом не раз читал. То в Париже в могиле рыцаря обнаружат современные часы, то ещё какую-нибудь странность – как в Пекине, с терракотовой армией императора.

Узнать бы только, где он и какой сейчас год.

Андрей пошарил по карманам. Деньги, телефон, носовой платок, ключи от дома. И ни одной полезной вещи вроде ножа или зажигалки, которые позволят выжить. Но не ходить же ему в жилете со множеством карманов, как Вассерман? Правда, у того разные справочники, а ему следовало бы носить ножи, инструменты или оружие. Нет, с оружием пере-

бор. Даже кремнёвый пистолет велик по размеру и тяжёл, сразу полицейские прицепятся.

И ещё: было ощущение, что телу некомфортно, что что-то не так, только непонятно – что? Он случайно провёл рукой по щеке и поразился: господи, борода-то откуда? Ведь утром брился! За день отрасти не могла, он иногда вообще брился через день, поскольку станок брил очень чисто. Но за день – даже за три дня – такая густая и длинная борода не отрастёт.

Андрей осмотрелся. Небольшая рощица слева, мимо узкая грунтовка идёт. И никаких признаков цивилизации: столбов с проводами – телефонными или электрическими, – пролетающих самолётов, следов автомобильных колёс. И содовый телефон паникует, пишет всё время «Поиск Сети». Посмотрев на экран, Андрей выключил его. Сети здесь нет, и будет она не скоро. Было такое ощущение. Хоть бы прохожий или крестьянин попался, узнать бы – где он и какое время на дворе? Вопросы самые главные.

Издалека донёсся перестук копыт, и из небольшой балки показался всадник. Уже хорошо, есть кого расспросить.

Но по мере того, как всадник приближался к нему, надежда Андрея сменилась разочарованием, даже страхом. По дороге навстречу ему ехал самый настоящий татарин. Верховом на мохнатой лошадёнке, в халате, опоясан саблей, из-за плеча виден лук и саадак со стрелами.

Когда всадник подъехал ближе, стало видно скуластое раскосое лицо с жиденькой бородкой – лицо типичного степ-

няка. На голове малахай – это летом-то!

Татарин на ходу выхватил саблю.

Чёрт! Укрыться негде – он в открытом поле, и оружия никакого. Бежать нельзя – от верхового не убежишь, сразу срубит. И потому Андрей стоял спокойно.

Когда до татарина осталось двадцать шагов, он крикнул на татарском языке:

– Остановись, безумец! Я сборщик податей!

Андрей и сам не понял – как получилось. До того языка не знал, а тут взял и выдал. Никак будка всему причиной. Татарин натянул поводья и остановился перед Андреем. Татарская речь или необычная одежда ввели его в заблуждение, но он вернул саблю в ножны.

– По тебе не скажешь, что татарин. Пайцза есть?

– А как же! – Андрей сделал вид, что полез за пазуху. Татары карманов не знали и важные предметы прятали за пазухой или в рукаве.

Татарин наклонился и протянул руку, готовясь принять пайцзу – медную или кожаную табличку.

Вот тут-то Андрею и пригодились навыки, полученные им в армии, в бригаде спецназа ГРУ. Был такой период в его жизни, не самый радостный. А ещё в клубе исторической реконструкции занимался два года, сабельному бою обучился, но только пешим. Он мгновенно схватил степняка за запястье и резко дёрнул вниз. Татарин не удержался в седле и грохнулся на землю. Андрей тут же ударил его ногой в ка-

дык и рухнул на него коленом – аж рёбра захрустели. Обеими руками ухватив голову татарина – за подбородок и затылок, – резко крутанул, выворачивая шейные позвонки. Раздался щелчок, и татарин обмяк, закатил глаза. Готов! А не фиг сабелькой махать!

Андрей снял с убитого лук, саадак, расстегнул пояс с саблей и всё надел на себя. Обыскал татарина. Гол как сокол – ни денег, ни пайцзы. Пайцза им – удостоверение личности, ханский знак. С ним через татар легко пройти можно, а попросишь – так и помощь окажут, обязаны.

Состояние было странное. Недавно, минуты назад, он был в городе, лил дождь, а теперь татарин, и он в роли злобного шайтана. Ой, как бы все это боком не вышло!

За ноги Андрей оттащил убитого в небольшую ложбинку – с дороги не так заметно будет. Сам же взгромоздился на небольшую лошадку и тронул поводья. Но лошадь, чувствуя на себе чужого, не желала принимать его за хозяина. Она повернула морду и попыталась укусить Андрея за колено.

К таким фокусам Андрей был готов и ударил животное ногой по морде. Лошадь сразу присмирела и покорно пошла по дороге.

– Ну вот, всегда бы так!

Из-за поворота дороги показалось небольшое село, огороженное стеной. И только когда Андрей подъехал поближе, он понял, что ошибся – это был монастырь. Ворота его были заперты, а над ними, в надвратной башне, стоял инок или

монах в чёрном подряснике и с алебардой на плече. Выглядело всё вполне реально.

Андрей подъехал, поздоровался:

– Добрый день.

– И тебе доброго здоровья.

– Это монастырь?

Монах усмехнулся:

– Он самый, Ферапонтов.

– Это где же такой?

Монах от изумления округлил глаза:

– Как где? Ты перед ним стоишь!

– А губернии какой?

– Так Воронежской, как всегда был. Ты что, не местный?

– Издалека еду.

– То-то я смотрю, вид у тебя непотребный. Одежка нерусская, лошадь татарская. Не немец ли?

Немцами на Руси называли всех иностранцев.

– Наш я, русак. Но ты угадал – из-за порубежья добираться. А кто нынче на троне, кто государь?

– Был Бориска Годунов, однако слух прошёл, что вроде как помер он. То ли убили, то ли сам...

«Хм, – подумал Андрей, – Годунов-то умер в тысяча шестьсот пятом году...»

– А как мне в Воронеж попасть?

– Вот по этой дороге езжай, она тебя на большак и выведет. С него не сворачивай. Шлях этот торговый, с самого

Крыма проклятого идёт.

– Что, крымчаки беспокоят?

– Почитай, каждый год! О прошлом годе монастырь до-
чиста сожгли, половину чернецов убили.

– Лихо у вас тут!

– Ещё как! Раньше им хоть какой-то укорот был, а сей-
час... – Монах огорчённо махнул рукой: – Одно слово – без-
временье.

– Ну, тогда бывай.

– И тебя пусть Господь хранит. Православный ли?

– Крещён.

Андрей тронул коня. Похоже, с годом он определился, с местоположением – тоже. Времечко не самое удачное. Если в самом деле Годунов умер, то грядёт великая Смута с чередой самозванцев. По краешку пропасти Россия пройдёт, без малого под власть Речи Посполитой не попадёт, без малого не разорвут её на лакомые куски поляки, шведы, татары. В Москву надо пробираться. Там сейчас будут разворачиваться важные для страны события, его место там. Что будет делать в Первопрестольной, неизвестно, на месте определится.

Русь долго, несколько веков, была под татаро-монгольским игом, на положении вассала. Для удобства сбора податей ханы ордынские определили Москву главным городом. Первопрестольная собирала деньги с княжеств и везла в Орду. Но таким образом татары, сами того не желая, сдела-

ли Москву центром вассальных княжеств. И тот, кто владел Москвой, главенствовал в России, и особенно отчётливо это стало видно после победы Дмитрия Донского над Мамаем на Куликовом поле.

При Иване Грозном Москва только укрепилась, стала центром независимости, сопротивления. И Грозного впервые на Руси нарекли царём и самодержцем – до того правителей Руси называли великими князьями.

Версты через две показалось село. Оно было обнесено тыном, и в центре, на площади, высилась небольшая церковь.

Здесь Андрей решил заночевать. Солнце к закату клонилось, ещё час-два – и темно будет. А спать одному в голом поле не хотелось.

Одно плохо – денег у него нет. А кушать уже хочется. Можно, конечно, попробовать продать что-нибудь или обменять на еду.

Он проехал через открытые ворота в село и спросил у играющих на пыльной улице мальчишек, где находится постоялый двор.

– Вон он, дядька, прямо.

Андрей проехал немного.

Постоялый двор был серьёзным, несоразмерно великим для такого села. Наверное, потому, что стоял он на бойкой дороге, ведущей из Крыма и Кавказа на Москву или Новгород, в русские земли.

Сразу за воротами постоялого двора к нему подскочил

слуга, с поклоном принял узду и повёл лошадь в конюшню. Андрей же в трапезную прошёл, сразу к стойке.

– Мне бы хозяина.

Мужик за стойкой внимательно осмотрел Андрея. Ну да, одежда на нём непривычная, скорее всего, немец на постоянный двор забрёл, только по-русски чисто говорит, хоть и с акцентом непонятным.

– Я хозяин.

– Подхарчиться бы мне, переночевать по-человечески да лошадь накормить-напоить.

– В сей момент исполним.

– Загвоздка есть одна – без денег я. Могу обмен предложить.

Глаза хозяина остро блеснули.

– На выбор предлагаю: либо лук татарский с полным колчаном стрел, либо музыкальную шкатулку.

Хозяину стало интересно:

– Покажи диковинку.

Андрей вытащил мобильный телефон, залез в «меню» и проиграл несколько мелодий. Телефон известной корейской фирмы звучал громко.

Хозяин заворожённо уставился на экран с яркими заставками и нервно облизнул губы.

– Занятной работы вещица. Что хочешь за неё?

– Я её за две монеты золотом купил. Думал в Москву доставить, к царскому двору. Да в дороге прослышал, вроде

умер Годунов, – беззастенчиво врал Андрей.

– Умер, точно. Ещё тринадцатого апреля. Говорят – из рта, ушей и носа кровь хлынула. Два часа и прожил всего.

– Ай-яй-яй! Что на свете творится!

– Угу. В Архангельском соборе упокоен, под именем монаха Боголепа.

– Пусть земля будет ему пухом!

– Так на царство взошёл сын его, Фёдор.

– Стало быть, новый государь у нас.

– Вроде того.

Хозяин повертел в руках телефон:

– Дивная работа, тонкая. Чудо чудное, диво дивное. А где ключик? Как заводится? Видал я как-то у гостя торгового. Ключиком покрутить надо, тогда баба крутится наверху, на крышке, и песня играет.

– Тут без ключа, нажал кнопку и слушай. Надоест – вот тут кнопки. Нажмёшь – другая музыка заиграет. Только больше десяти песен за раз нельзя, он время от времени отдыхать должен.

По-всякому аккумулятора должно хватить до завтрашнего вечера, а к тому времени он уже далеко будет.

– Беру, коли за один золотой уступишь.

– По рукам, от сердца отрываю.

– Расчёт утром. Я же от золотого отнять должен – за постой, за еду.

– Само собой.

– Тогда садись, ешь-пей, что душе угодно – для хорошего человека ничего не жалко.

Андрей проголодался изрядно, заказал пива, жареную курицу, пироги с рыбой. Всё было сытно, вкусно и недорого. Это вино заморское дорого стоит, а он заказал пищу местную. Скорее всего, деревенские ему поставляют и кур, и мясо, и муку. Всем удобно.

Пока хозяин ходил и развлекался с телефоном, Андрей наелся от души. А зачем ему здесь телефон? Только лишний вес таскать.

Он допивал пиво, когда в трапезную шумно вошёл купец в потрёпанной и пропылённой одежде, а за ним – возничие его обоза. Купец потянул носом:

– Пахнет вкусно!

Он обернулся, увидел Андрея и стоящий за ним в углу лук и саадак.

– Твой?

– Мой.

Купец подсел на лавку.

– Интерес к тебе есть. Не возьмёшься ли обоз мой до Москвы сопроводить? Татары проклятые двух моих охранников живота лишили, сам насилу откупился.

Андрею с ними было по пути. Вот только обоз идёт медленно. А впрочем – куда ему торопиться?

– Сколько заплатишь?

– Рубль серебром.

Андрей задумался. По нынешним ценам это много или мало? Хозяин за стойкой едва заметно кивнул. Ну да, за телефон испугался. Купец может деньги авансом дать. Хотя ведь по рукам ударили, сделка состоялась.

– Идёт. Но деньги вперёд.

– Половину. Вторую отдам в Москве.

Купец отсчитал медяки и пододвинул их Андрею. Тот сгрёб их и ссыпал в карман. Какие-никакие, а всё же деньги. Откуда ему было знать масштаб цен?

Святая простота! После двух неурожайных лет подряд, когда зимы были очень снежными, а летом поля заливали дожди, цены на продукты взлетели сильно – в двадцать пять раз. Голова сахара в пуд стоила шесть рублей, бочка сельдей – два рубля, пуд соли – алтын, а пуд сарацинского зерна, как тогда называли рис, – аж четыре гривны. И купить за эти медяки можно было теперь репы бадейку.

– Утречком выезжаем, – предупредил купец. – Харч – за мой счёт. Меня Наумом звать.

– А меня – Андреем.

Слуга проводил Андрея в его комнату. Здесь он запер дверь на засов, разделся и улёгся на кровать. Лук и саадак в угол поставил. Первый его день в этом времени прошёл относительно удачно. Хотя с луком... Держал он его в руках один раз, новодел. А в стрельбе из лука постоянно тренироваться надо. Пару пистолетов бы ему – оружие привычное. И с этим переносом – везёт ему или нет? Миллионы людей

живут себе спокойно, а он влип. Бывает, что дерево молнии притягивает – так там всё объяснимо. Но он-то чем среди других выделяется? Не найдя вразумительного объяснения, он уснул.

Проснулся Андрей оттого, что по коридору кто-то ходил. Сквозь маленькое слюдяное оконце занимался рассвет.

Он умылся и спустился в трапезную. Тут же завтракал купец, причём завтракал плотно.

– Ты не смотри, что так рано, второй раз вечером кушать будем. Себе заказывай.

Андрей поел, и они вышли во двор. Вчерашний слуга, позёывая, помог ему заседлать лошадь, затянул подпругу.

Купец вышел последним, когда все четыре подводы его обоза были уже готовы и возничие сидели на облучках. Тут он увидел Андрея сидящим на коне.

– Так у тебя свой конь есть? А я всё думал – на какую подводу тебя посадить, чтобы лошади не тяжело было.

– Что за груз?

Купец помялся немного, но шила в мешке не утаишь.

– Бархат везу. В Москве аршин простого стоит рубль и двадцать алтын. А у меня бархат расшитый. Да сукна аглицкого немного, по четырнадцать рублёв постав. Груз нетяжёлый, но объёмный. Всё из Персии да Венеции.

– В Венеции стекло делают, а про ткани я не слышал.

– Ну да. А я не сказал разве? Зеркала ихние везу. Аж три штуки.

– Что же больше не взял?

– Дорогие, гривна штука.

– Дай поглядеть.

Купец порылся в подводе, достал зеркало и протянул его Андрею. Небольшое – как две сложенные вместе ладони. На рамку бронзовую посмотрел, потом – на себя в зеркале. На Андрея смотрел чужой человек, не он. Абсолютно незнакомое, чужое лицо. Он по жизни был русым, а в зеркале отражался смоляной брюнет: чёрная борода, чёрные волосы на голове и тёмно-карие глаза.

Андрей впал в лёгкий шок, из которого его вывел голос купца:

– Неужели свою харю в зеркале никогда не видел? Да зеркало уже верни, товар дорогой, не приведи господь, разобьёшь.

Андрей вернул зеркало. Купец бережно обернул его тряпичей и уложил в плетённую из ивы корзину.

– Трогаем! – и вскочил на телегу.

Обоз не спеша тронулся и выехал с постоялого двора. Замирающим трусил на татарской лошадёнке Андрей.

Некоторое время он за дорогой не следил, и лошадь шла за телегами сама. Андрей же переживал совсем о другом. К внешности своей он привык, она ему нравилась, а тут – здравствуйте вам! На вид – щирый украинец, если вообще не кавказец, и на десяток лет старше, чем был на самом деле. Ладно, если всё это – причуды переноса во времени. Он пи-

тал надежду, что вернётся – но лицо? Не дай бог, таким останется и потом. Его же никто не узнает: ни родители, ни друзья – даже на работу не пустят. Вот попал! Как кур в ошип.

Приходил в себя Андрей долго, и только к полудню решил, что нечего так сильно переживать. Здесь его никто не знает, и он будет носить то лицо, которое ему досталось. Могло быть и хуже. Ведь он вообще мог превратиться в женщину – свят, свят, свят!.. Господи, пронеси и помилуй! В Средние века на Руси и слова-то такого не знали – всё баба или девка. Да и выжить в такой ситуации одинокой женщине невозможно. Или в родительском доме, или в семье мужа. В противном случае с голоду умрёт или попадёт в рабство. В Москве даже семейные люди в 1601-1602 годах гибли – два года неурожайных подряд выпали, в братских могилах было захоронено двести семьдесят тысяч умерших от голода. В столице всех собак и кошек съели, были даже случаи каннибализма. А сколько было захоронено при церквях? Первопрестольная потеряла половину жителей, а Русь – треть. И годы эти тяжкие выпали в правление Годунова.

Чтобы отвлечься от тяжких дум о своём лице, Андрей подъехал к подводе, на которой сидел купец.

– Откуда едем?

– Вестимо – из Крыма.

– Так крымчаки на Русь постоянно нападают, грабят, людей в полон уводят.

– А торговых людей они не трогают, если только баши-

бузуки. Как без торговли любой стране жить? Товаров не будет – все голодные и оборванные ходить будут. А торговля – она и для государства хороша, мытари налоги собирают, и людям удобна. Не, торговля никогда не исчезнет. Сам-то ты откуда?

– Переяславский, – соврал Андрей. – Только не был там давно. Уж и не знаю, осталась ли родня.

– Одежда на тебе странная – как на немце.

– Бывал я в тех странах. Одно плохо – языков я не знаю.

– А я освоился.

– Надо же, похвально.

– Рыбки сушёной не хочешь?

– Потом пить захочется. Нет, не буду.

– Как хочешь.

Купец достал из воза сушёную рыбку и стал колотить ею о борт телеги. Потом очистил, разложил и вцепился зубами. Запах от рыбы пошёл соблазнительный, и Андрей сглотнул слюну. Однако переборол себя. После рыбы во рту сушить будет, а воды с собой нет. Да хоть бы и была – после потом изойдёшь. Ещё в армии его учили: много не пей, с потом сила уходит. Мучит жажда – сделай пару глотков, и всё. С тех пор он неукоснительно придерживался мудрых наставлений.

Они доехали до брода. Возничие спрыгнули и стали поодиночке переправлять подводы на тот берег, помогая лошадям и подталкивая возы. Речка неширокая, однако берег крутой, и лошадь сама не вытянет.

Верхом на своей лошадке Андрей сразу переехал на другой берег. Если кто-то и решит напасть, так переправа – самое удобное место. Пустить лошадей вскачь невозможно, да и люди заняты переправой, за окружающей местностью не следят.

Купец, помогая возничим толкать повозки, просипел натужно, обращаясь к Андрею:

– Слез бы с коня, помог.

– Моё дело – охранять, ты меня для этого нанимал, – спокойно ответил Андрей.

Купцу ответ явно не понравился, и он счёл Андрея белоручкой и лентяем. Пусть его!

Брод они преодолели благополучно. Когда обоз уже стоял на другом берегу, возничие стали разуваться и выливать воду из сапог – ведь вода в реке была выше колена.

Андрей и помог бы им, но он помнил о своих прямых обязанностях и стал присматриваться к местности. Не понравилось ему, как вели себя птицы. Они низко летали над дальними деревьями и беспокойно кричали. А пуще всего сорока – та вообще трещала без умолку. «Чужой в лесу есть», – понял Андрей. Он был заядлым охотником и повадки зверей и птиц знал.

Обоз стоял на небольшой утоптанной поляне со следами кострищ. Видно, здесь не раз останавливались на ночёвку обозы и скорее всего – одинокие подводы. Те, кто товар возил постоянно, знали о существовании совсем недалёкого

постоялого двора, но на природе ночевали люди небогатые, те, у кого каждая копейка на счету.

Возничие расселись по подводам, Андрей же подъехал к купцу. Вид у того был недовольный.

– Распорядись людям своим, пусть оружие достанут – у кого оно есть. Топоры хотя бы. Полагаю, недобрые люди впереди в лесу прячутся.

Глаза купца подозрительно блеснули:

– Откуда знаешь? Или сам из их шайки?

Андрей молча отъехал. Его наблюдательность и выучка армейская теперь обернулись против него.

Тем не менее купец подал условный знак. Как – Андрей не заметил, но возничие полезли под облучки, достали оттуда топоры и взяли их в руки. Для русского человека, не воина, топор – инструмент привычный. Избу ли срубить, дров ли для костра набрать либо от разбойников оборониться – для любых дел топор в его руках сгодится.

А лихих людей в правление Годунова развелось много. Год в течение нескольких лет подряд и отмена Юрьева дня толкали людей на злодейство. Крестьяне не могли прокормить свои семьи. Учитывая, что полиции или какого другого подобного ведомства на Руси отродясь не было, злодейство расцвело буйным цветом. О своей безопасности торговый люд и путешествующие по делам должны были заботиться сами, и потому купцы нанимали охрану или сбивались на постоянных дворах в крупные обозы – тогда было легче от-

биться.

– Я вперёд поеду, – наклонившись с лошади, сказал Андрей купцу.

Он тронул лошадь, вытянул из ножен саблю и опустил руку с ней вниз. Так сабля со стороны была почти незаметна. Не стоило показывать вероятному противнику, что ты готов к отражению нападения. Конечно, если он не ошибся и в лесу их действительно ждут. А может, опасения его беспочвенны и там просто бродит бездомная собака или заплутал горький пьяница.

С поляны он выехал на узкую, в одну телегу, лесную дорогу. К ней почти вплотную подступали кусты. Плохо, могут из-за них внезапно выскочить.

Сзади послышался перестук колёс – это тронулся обоз.

Андрей напряжённо вертел головой по сторонам, выискивая следы присутствия людей. Но всё было тихо и спокойно. Тогда почему птицы беспокоятся?

Внезапно затрещало, и поперёк дороги упало дерево, перегородив ему путь. Тут же из кустов высыпала прятавшаяся до того ватажка лихих людей. Двое с дубинами побежали к лошади.

Андрей повернул лошадь поперёк дороги и ударил саблей по плечу первого, который бежал резвее всех. Второй не понял, что произошло, сделал два роковых для себя шага и тоже упал мёртвым. А нападавших оставалось ещё семеро, и они бежали к обозу. Добыча там, а с всадником и двое спра-

вятся. Как видно, роли были распределены заранее, а может, уже и опробованы в деле не раз, уж больно слаженно нападавшие действовали. Вперёд не проедешь из-за дерева, а на узкой дороге телеги не развернуть.

Андрей каблуками ударил лошадь в бока и рванул к обозу. Эх, выучки у обозников нет, каждый поодиночке у своего воза стоит. А надо бы им всем вместе нападение отражать.

Между тем первый из добежавших до обоза лихих людей уже схватил лошадь под уздцы.

Секунды хватило Андрею на то, чтобы оказаться рядом с ним. Ударом сабли он снёс разбойнику руку по локоть. Ещё одного татарская лошадка Андрея толкнула мордой в грудь. Он отлетел на пару метров и, ударившись головой о дерево, потерял сознание.

Разбойники не ожидали удара сзади. Полагая, что со всадником покончено, они отскочили в сторону, сбились в кучу и угрожающе размахивали оружием. У двоих в руках были старые, ещё дедовские, мечи, ещё у двоих – дубины крепкого дерева. Одетый получше, стоящий в стороне, похоже – главарь, держал в руках пистолет. «Хорошо бы его первого убить, – сообразил Андрей, – он самый опасный».

– Не подходи, живота лишим! – закричал главарь.

Наглость и нахрапистость, а навыков нет. Не из стрельцов беглых шайка, а из крестьян. Покалечить и убить могут, поэтому всё должны решать быстрота и натиск.

– Эй, на коне! Проваливай, мы тебя не тронем. И люди из

обоза пусть уходят – нам они ни к чему.

– Ой, спасибо! Только вот меня вы не спросили, согласен ли я?

– Щас пальну! – Главарь поднял пистолет.

Дымка над замком нет, стало быть, не фитильный. А у кремнёвого от момента спуска курка до момента выстрела некоторое время проходит. Правда – мало совсем, полсекунды. Да и стрелок опытным быть должен. Оружие гладкоствольное, на пятнадцать метров в ростовую мишень уже не всякий стрелок попадёт.

Андрей положил саблю поперёк седла, чтобы под рукой была, стянул с плеча лук, вытянул из колчана стрелу и наложил её на тетиву. Всё это он проделал быстро. Конечно, лучник из него невеликий, но ведь и цель в десяти шагах – не птица в небе. Её только татары, стрелявшие сызмальства, сбивали. Ему такая точность не нужна.

Натянув тетиву, Андрей пустил стрелу. По большому пальцу левой руки и запястью сильно ударила тетива – наколенника и кожаной накладки, как у лучников, у него не было.

Стрела угодила в цель. Один из разбойников уронил дубину и, схватившись обеими руками за живот, из которого торчало оперенье, рухнул на землю лицом вниз.

Андрей тут же наложил на тетиву вторую стрелу и пустил следом. Она угодила другому разбойнику в плечо, хотя он целил в грудь. Тот заорал благим матом. Это хорошо. Раненый небоеспособен, а вид крови и его крики внесут в ряды

разбойников панику, вселят страх.

Главарь всё-таки выстрелил. Пуля прошла неизвестно куда, не задев Андрея и лошадь.

Пока не рассеялся дым от выстрела, Андрей перекинул через плечо тетиву, схватил в руку саблю и ринулся на разбойников. Однако там оказался только убитый. На пути остальных, в панике убегающих прочь, лишь кусты трещали.

Сгоряча Андрей кинулся за ними.

Увидев и услышав погоню, разбойники бросили раненого и прыснули в разные стороны.

Раненого Андрей добил. Выздоровеет – за прежнее возьмётся, враг хорош, когда он мёртв. Он поворотил лошадь вправо, за убегающим главарём – тот уже оторвался от него метров на двадцать. Сабли или дубины у него нет, пистолет разряжен, и потому большой опасности он собой не представляет. Но главарь – всегда организатор. Эту шайку разгромили – он другую наберёт. Убить главаря – значит шайку головы лишить.

На лошади он догнал главаря быстро, хоть и пришлось между деревьев лавировать. С отяжкой ударил бегущего саблей по спине. Однако главарь успел пригнуться, и сабля лишь одежду разрежала да на коже царапину оставила.

Главарь взвизгнул, шарахнулся в сторону, за дерево и выхватил откуда-то нож. В рукаве он у него был, что ли?

– Не подходи, собака, зарежу!

– Ты меня застрелить обещал – не получилось. И заре-

зять не получится, – спокойно сказал Андрей и спешился. Не кружиться же ему на лошади вокруг дерева со стоящим за ним главарём?

В глазах главаря метнулся страх. Он понял, что пощады не будет, что наступают последние секунды его ничтожной жизни. От отчаяния он кинулся на Андрея, выставив вперёд нож. С ножом – да против сабли? Андрей не уворачивался – ударом сабли он отрубил главарю руку, держащую нож. Главарь взвыл и левой рукой схватился за обрубок правой.

– За что?

– Разве сам не знаешь? Разбойников без суда положено вешать. А ты есть гниль и падаль, от тебя смердит.

Снизу вверх Андрей рубанул главаря саблей по шее. Фонтаном ударила кровь, разбойник захрипел и упал.

Остался ещё один беглец, но искать его в лесу желания не было. Его задача – обоз охранять, а не бороться со всеми разбойниками в округе.

Андрей взял лошадь под уздцы и повёл назад по своему следу, внимательно глядя под ноги – где-то разбойник должен был обронить или выбросить пистолет.

Он нашёл его недалеко от добитого им раненого, подобрал. Пистолет не новый, ржавая сыпь по стволу сверху пошла, но её оттереть можно.

Сунув пистолет за пазуху, Андрей вышел к обозу.

Один из возничих стоял возле убитого.

– Стрела-то насквозь прошла!

– Что хотел, то и получил. Наум, там впереди тати дерево свалили. Оттащить его надо, а то не проедем.

– Уже. Догнал?

– Один ушёл. Искать не стал, моё дело – обоз.

– А я уж в тебе усомнился было, прости. В первый раз вижу, чтобы так лихо!

– Так разбойники. Выучки нет, только что вид страшный. Андрей поднял с земли дубину.

– Такой и быку башку разбить можно, не только человека, – покосился на дубину Наум. – Страшно!

– На то и расчёт был – на испуг. Но теперь всё уже позади.

– Ну и славно. Едем! – Купец был рад исходу, повеселел.

Через час они выбрались на проезжий шлях. Он был оживлён: впереди виднелся обоз и далеко позади – тоже. Тут должно быть спокойнее.

Вечером остановились на постоялом дворе. Купец расщедрился, угостил всех обильным ужином, да с пивом. А когда возничие ушли, повинился перед Андреем:

– Прощения у тебя прошу. Сначала я тебя за лентяя принял – это когда ты отказался помочь подводы через реку переправить. А уж когда тати появились, я и вовсе подумал – пособник ты их, в засаду привёл.

– Прощаю, – усмехнулся Андрей, – Господь прощал и нам велел. Только как же я вас в засаду привести мог, если вы дорогу выбирали сами? Я лишь за обозом ехал.

– Дурная голова, не подумал. Ты для меня человек неиз-

вестный, тёмный, и что у тебя на душе – кто знает? Люди сейчас озверели – ни совести, ни чести. Зато теперь я в тебе уверен. Воин ты настоящий, семерых убил.

– Шестерых, один ушёл.

– Сам где-нибудь сдохнет. Стало быть, не подвели меня глаза, не ошибся я в тебе. А давай за знакомство винца?

– Если только немного.

– Эй, половой! Вина нам фряжского!

Фряжское вино – это дорого. Таким вином угощали в случае серьёзных заслуг. Дворяне не в счёт, у богатых свои причуды. А на Руси винцо пили яблочное или смородиновое. А ежели напиться желали, пили олуй, пиво крепкое, вымороженное – обычно такое делали зимой. Или перевар – вроде самогона. Пойло крепкое, с ядрёным сивушным духом и тяжёлым похмельем наутро.

Они опустошили небольшой кувшин. Купец опьянел, рвался ещё кувшин взять, но Андрей увёл его в комнату. Это сейчас он герой, а завтра болеть будет. Был бы дома, под приглядом жены – другое дело. А в пути ум трезвый нужен, и здоровье тоже – всяко случиться может.

Чем ближе они подъезжали к Москве, тем тревожнее были слухи. В трапезных при постоянных дворах купцы о «царевиче Дмитрие» толковали да о войске, которое с ним идёт. Были забыты всегдашние разговоры о ценах на товары и об опасных местах, где лютуют разбойники. Война – и для торгового гостя, и для простого люда – всегда плохо. Торговли

нет, выручки – тоже. А для аборигенов война – это ещё и лишения, а то и угроза самой жизни или плена. Народ пребывал в тревоге.

Ещё в последние годы правления Бориса Годунова в Литве объявился человек, который называл себя сыном Ивана Грозного, царевичем Дмитрием. Он был образован, знал светский этикет и даже некоторые секреты московского двора. В доказательство родства с царём показывал большой нагрудный золотой крест искусной работы.

На самом деле это был Юрий Отрепьев, отпрыск галицкого сына боярского Богдана Отрепьева, убитого литвином в Москве, в Немецкой слободе. Юрий был ростом ниже среднего, хорошо сложен, лицо круглое, неприятное. Волосы рыжеватые, глаза голубые. Юрий ушёл в монастырь, сменил имя на Григорий, но нигде не ужился, и из Чудова монастыря сбежал в Польшу, где познакомился в Самборе с сендомирским воеводой Юрием Мнишеком.

Слухи о якобы царевиче Дмитрие дошли до ушей короля Речи Посполитой и до монахов ордена иезуитов – Отрепьев был выгоден всем. Речь Посполитая была в мире с Москвой и сама воевать не хотела. А тут – удобный случай, чужими руками можно было жар загрести. Иезуиты надеялись, что с приходом на престол московский Лжедмитрий поспособствует обращению Руси в католичество. Сам же воевода Мнишек мечтал выдать за него свою дочь Марину. Чем чёрт не шутит, вдруг станет царицей Московскою?

А Отрепьев не скупился на обещания. Королю он обещал отдать Речи Посполитой Псков и Новгород, иезуитам – всяческое содействие и открытие католических храмов, а Мнишеку – после своего воцарения выплатить миллион злотых. Все три стороны были заинтересованы поддержать Отрепьева. В Польше Мнишеком были собраны наёмники – 1600 человек, к ним присоединились 2000 козаков, и вся эта конная рать двинулась на Русь.

Состояние русской армии было плачевным. Только что войска потерпели поражение от турок на Кавказе. Стрельцам в гарнизонах городов давно не платили жалованье, они обносились и зачастую вели полуголодную жизнь. А тут приходит самозванец, обещающий всем сытую и спокойную жизнь. Как не поверить сладким посулам? А козаки и сами не прочь были пограбить, побесчинствовать.

В Новгороде-Северском стояла двадцатипятитысячная армия, когда осенью 1604 года к городу подошло войско Лжедмитрия. Правительственные войска могли их легко разбить, но воеводы медлили. А в декабре 1604 года польские гусары их атаковали и захватили знамя. В лагере возникла суматоха, князь Мстислав получил два ранения в голову и упал с лошади, благо в сумятице не затоптали. Наёмники стали требовать у самозванца денег, которых у него не оказалось, и поляки, грабя окрестности, вернулись в Польшу. Вместе с ними вернулся покровитель Лжедмитрия, Юрий Мнишек.

Однако самозванцу удалось собрать войско из козаков и местных жителей. В битве под селом Добрыничи оно было разбито, и Лжедмитрий укрылся в Польше. Все, кого схватили правительственные войска, были казнены через повешенье, как изменники.

Две недели войска безрезультатно осаждали деревянную крепость, которую обороняли всего 400 стрельцов, но взять её им не удалось, и они отступили. Дворяне, уберегая свои дружины от разложения, уводили их в поместья.

Весной 1605 года армия практически утратила боеспособность.

В это время, 13 апреля 1605 года, скончался Борис Годунов. Через три дня после его смерти Москва, Великий Новгород, Казань, Астрахань, Поморье и Сибирь присягнули сыну Бориса, шестнадцатилетнему Фёдору. Но он был внуком Малюты Скуратова, и это его погубило. В памяти народной ещё сохранилась ненависть к его деду, пролившему немало крови.

В лагере под Кромами заговорщики во главе с Петром Баскаковым, некоторыми боярами и чернью, подняли бунт, выкрикивая Дмитрия на царство. Верные государю войска ушли из лагеря и за три дня пешком добрались до Москвы. А 1 июня в Москву, сопровождаемые козачьими отрядами, вошли дворяне Гаврила Пушкин и Наум Плещеев. С Лобного места они огласили грамоту «истинного царя», обещавшего всем милость, а кто воевал против него – прощение.

Народ слушал, раскрыв от удивления рты, а к вечеру началось восстание против царя Фёдора Борисовича. Из тюрем выпустили заключённых. В городе воцарился хаос, начались грабежи, убийства, поджоги, погромы винных лавок. На Красной площади начала собираться толпа. Подстрекаемый боярами-изменниками, народ захватил Кремль. Простолюдины кинулись искать по дворцу ценности и уносили всё, что могли. Стража разбежалась. Бояре-изменники схватили царя Фёдора и его мать и заперли их в темнице.

События нарастали как снежный ком. Боярство разделилось. Одни ждали прихода самозванца, часть затаилась, выжидая, и только небольшая группка дворян пыталась организовать для отпора. Василий Шуйский из ставки изменника в Серпухове слал во все города грамоты о предстоящем восшествии самозванца на престол. Бояре устроили в честь «царевича Дмитрия» пир. А напившись, выволокли из усыпальницы царей – Архангельского собора – гроб с телом Бориса Годунова и выставили останки на поругание. «И каменя в него метали, и начали ногами пхать тело его поверженное и на земле лежащее», – говорит летопись.

Прознав о том, 8 июня самозванец прислал в столицу предписание: уничтожить царскую семью – Фёдора Борисовича и его мать. Приказ сей привёз князь Василий Голицын. Он же привёл убийц к Фёдору и его матери. Фёдор сопротивлялся, как мог, но что мог сделать один подросток против нескольких вооружённых людей? Обоих – и Фёдора и его

мать — удушили верёвками.

После расправы князь Голицын вышел к народу и объявил, что царская семья покончила с собой, приняв яд.

Гробы с телами убитых выставили рядом с дворцом на всеобщее обозрение, и тысячи москвичей увидели на шее убиенных следы удавок.

Дочери Бориса, Ксении, жизнь сохранили, но участь её была незавидной. В дальнейшем самозванец надругался над ней и держал при себе в царских покоях как наложницу. Потом, по настоянию Марины Мнишек, под именем Ольги она была сослана в Белозерский монастырь.

Князь Голицын, действуя по воле самозванца, лишил патриарха Иова сана и заточил его в Успенский монастырь в Старице.

На Москву надвигались грозные события, а москвичи радовались смене власти, надеясь на лучшую жизнь. Как они заблуждались! Отребье, выпущенное из тюрем, не боялось грабить, убивать и насиловать даже среди белого дня.

Под колокольный звон всех соборов московских 20 июня 1605 года Лжедмитрий торжественно вступил в Первопрестольную, сопровождаемый многими боярами и людьми знатными. Народ на улицах ликовал. Радостные крики и здравицы звучали громогласно в честь «царевича». Кремлёвскую стражу сразу разогнали, да и кого ей было охранять? Дворец разграблен, царская семья убита.

Самозванец занял престол в Тронном зале, вокруг толпи-

лись, выражая верноподданнические чувства, бояре. А под стенами дворца и на всех въездах в Кремль стояли поляки.

На следующий же день самозванец созвал Собор, на котором принудил архиепископов избрать патриархом архиепископа Рязанского Игнатия, киприота по рождению.

К чести Церкви, тела Бориса Годунова, его жены и сына Фёдора были монахами перевезены в церковную столицу – Троице-Сергиеву лавру, где и преданы земле рядом с храмом.

После прихода к власти самозванца у бояр сразу возник вопрос: как так? Царевич ещё в детском возрасте был убит в Угличе. Дело расследовал князь Василий Иванович Шуйский, да не один, а во главе служилых людей Пыточного приказа. Злодейства выявлено не было. Царевич страдал «падучей» – так называлась тогда эпилепсия. Во время игры во дворе с мальчишками в ножички он якобы упал и нанёс себе смертельное ранение в шею. Так это было на самом деле или расследование было сфальсифицировано в угоду государю, теперь одному Богу известно. Но для Шуйского дело оборачивалось плохо. По его докладу царевич убит в детстве, а теперь, оказывается, – вот он, живой? Тем более что Лжедмитрия вроде бы признала мать, привезённая из Углича. Нагая «сына» узнала, обняла и всплакнула. Куда ей было деваться, коли бояре «посоветовали»?

Бояре обвинили Шуйского в измене. Приговор был короток – смертная казнь. Василий Иванович взошёл на эша-

фот, и палач разодрал на нём рубаху. Шуйский уже прощался с жизнью, как подскакал гонец, привёзший помилование от самозванца. Опоздай он на пару минут, и история сложилась бы по-иному.

Меж тем 21 июля 1605 года Лжедмитрия короновали. Боярскую Думу по западному образцу преобразовали в Сенат. Однако самозванец с боярами не считался, их мнение не учитывал.

Зато поляки вели себя в городе разнузданно. Польские гусары по поводу и без оного затевали драки, задирая москвичей, и без раздумий пускали в ход оружие. Среди черни и бояр зрело недовольство – не такого царя они хотели.

Вот в это лихое, смутное время обоз купца Наума въезжал в Москву. Для купца это был родной город, здесь он жил и торговал. Но его поход в Крым длился слишком долго, и за время его отсутствия Первопрестольная изменилась до неузнаваемости. Нет, улицы, дома, река – всё осталось на своём месте. Изменились порядки. Уже на въезде, на заставе, его остановили поляки. Солдаты Речи Посполитой занимали теперь наиболее важные, стратегические места в городе: в Кремле, вокруг него и на всех въездах в город. Они досматривали выборочно и обирали беззастенчиво. Вот и сейчас обоз Наума остановили. Двое солдат с презрительной ухмылкой на лице завернули рогожи, укрывающие груз, молча забрали по тюку дорогой ткани и махнули рукой – проезжай.

Купец возмутился:

– Да что же это делается? Грабёж среди бела дня! Я ведь не иноземец, чтобы пошлину платить. Тоже мне, мытари нашлись!

Андрей делал купцу знаки, чтобы тот замолчал и, пытаясь как можно скорее покинуть место конфликта, сказал ездому на первой подводе:

– Трогай от греха подальше.

Обоз тронулся, но возмущение купца не осталось незамеченным. Один из поляков подошёл к Науму и ударил его в ухо. От удара и неожиданности купец упал, а солдат принялся остервенело пинать его ногами. Остальные наёмники смотрели за происходящим с интересом, подбадривая товарища криками.

Слегка устав, поляк плюнул на униженного и избитого купца.

– Проваливай, пся крев!

Наум с трудом поднялся, поднял сбитую шапку и поплёлся за миновавшим уже заставу обозом. Такого прилюдного унижения и наглого отъёма товара он раньше не испытывал.

– Наум, поляки хуже смердящих псов! Зачем ты с ними связался? – спросил Андрей.

– В каком Уложении сказано, что можно купца бить и товар у него отнимать? Я на своей земле, это они пришлые. Я мытарям плачу, законы соблюдаю.

– Скажи спасибо, что вообще живым ушёл. Запросто могли порубить или вовсе товар весь, без остатка забрать.

– Без вины?

– Ох, Наум! Они чужаки, и мы для них – никто, мусор, пыль на сапогах. И привёл их сюда изменник, которому Русь не дорога.

– А ты откуда знаешь? Ты ведь тоже в городе давно не был – как и я.

Один глаз купца заплыл от удара, кафтан был в пыли.

– Видение мне ночью было, Богородица во сне явилась. Не настоящий это царевич Дмитрий. И править, а вернее сказать – терзать страну он будет одиннадцать месяцев.

– Вещий ли сон?

– Да откуда мне знать? Поживём – увидим. А ты впредь осторожнее будь, ежели головы лишиться не хочешь.

– Вот времена настали! В своём городе купца унижают!

Купец едва не заплакал от обиды и унижения. Андрей и сам был возмущён наглым поведением поляков – хозяйничают, как в захваченной стране. Впрочем, поляки всегда и везде отличались заносчивым поведением, гордыней немереной по поводу и без, а также скандалами и драками. Он бы кинулся купцу на помощь, но поляков на заставе два десятка, и одному ему было бы не справиться, только погиб бы не за понюшку табаку. А они, видно, только того и ждали. Но выдержки Андрею было не занимать. Спесивы поляки, да недолго им остаётся выкобениваться. Во время бунта, когда Лжедмитрия убьют, озлобленное население сразу возьмётся за поляков. Из города живыми вырвутся единицы, остальных

забьют. Правда, наёмники дорого будут отдавать свои жизни. На четыреста убитых поляков придётся три сотни погибших москвичей и семь сотен раненых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.